

Артеменко 2004 — *Артеменко Е.Б.* Миф. Фольклор. Эстетика тождества // Этнопоэтика и традиция. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Гацака. М.: Наука, 2004. С. 57—67.

Артеменко 2004а — *Артеменко Е.Б.* Фольклорная категоризация действительности и мифологическое мышление // Традиционная культура. 2004. № 3 (15). С. 3—12.

Артеменко 2005 — *Артеменко Е.Б.* Фольклорная формула и устнопоэтическая традиция // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы III Всеросс. науч.-практ. конф. Ч. II. Воронеж: ВГПУ, 2005. С. 99—108.

Артеменко 2006 — *Артеменко Е.Б.* О некоторых направлениях междисциплинарных исследований на оси МИФ — ФОЛЬКЛОР — ЯЗЫК // Традиционная культура. 2006. № 2 (22). С. 11—21.

Артеменко 2006а — *Артеменко Е.Б.* Традиция в мифологической и фольклорной репрезентации // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докладов. Т. II. М.: ГРЦРФ, 2006. С. 6—23.

Артеменко 2006б — *Артеменко Е.Б.* Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: Сб. статей: Материалы науч. регион. конф. 2004 г. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 138—150. (Афанасьевский сборник. Материалы и исследования; вып. IV).

Артеменко, Доброва 2000 — *Артеменко Е.Б., Доброва С.И.* Образный параллелизм в его концептуальном и языковом воплощении // Филологические записки. Воронеж: ВГУ, 2000. Вып. 14. С. 132—147.

Артеменко, Писарева 1992 — *Артеменко Е.Б., Писарева Л.Е.* Эстетически обусловленные модификации структурных схем предикативных единиц в стихотворном фольклоре // Синтагматика и парадигматика фольклорного слова. Курск: КГПИ, 1992. С. 20—37.

Богатырев 1973 — *Богатырев П.Г.* Язык фольклора // Вопросы русского языкознания. 1973. № 5. С. 106—116.

Доброва 2004 — *Доброва С.И.* Эволюция художественных форм в свете эволюции народного мировосприятия. Воронеж: ВГПУ, 2004.

Сердюк 2003 — *Сердюк М.А.* Художественные функции категории лица в народной лирике. Борисоглебск: БГПИ, 2003.

Черванева, Артеменко 2004 — *Черванева В.А., Артеменко Е.Б.* Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров). Воронеж: ВГПУ, 2004.

Материал подготовили
С.И. ДОБРОВА и В.А. ЧЕРВАНЕВА
(Воронеж).

Е.Б. АРТЕМЕНКО

БЫЛИННОЕ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЕ: ОТПРАВЛЕНИЕ ГЕРОЯ В ПУТЬ

В стихотворных жанрах — песне, былине — фольклорное текстообразование осуществляется на основе специфических *текстообразующих моделей*. Такие модели представляют собой концептуальные «слежки» с характерных для каждого из названных жанров типизированных ситуаций. Основу былинного нарратива составляют две из них: во-первых, перманентно осуществляемое героем перемещение из одного пункта в другой, конечный или промежуточный на карте его пути¹, и, во-вторых, совершаемая героем акция. Указанные былинные ситуации получили типизированное выражение в модели дороги и акциональной модели (см. характеристику последних в работах: [Артеменко 1993; 2001а; 2001б; 2001в; 2004; Черванева, Артеменко 2004, 143—169]). Каждая модель структурируется системой звеньев — типизированных концептов, обобщенно представляющих специфические черты, детали моделируемой ситуации. Модели свойствен универсальный характер — она служит концептуальной основой воссоздания в тексте любого варианта соответствующей ситуации: варьируя состав звеньев модели и их вербальное наполнение, исполнитель строит текстообразующий блок необходимого по ходу развития сюжета содержания.

Модель дороги включает в себя три звена, репрезентирующих движение героя из одного пункта в другой в виде цикла из трех фаз: начальной — отправление в путь, средней — пребывание в пути, заключительной — прибытие в промежуточный или конечный пункт. В процессе продуцирования эпического текста модель реализуется обычно несколько раз.

Характеристика второй и третьей фаз модели была дана в указанных выше работах. Настоящая статья посвящена

¹ «...Былинный герой почти всегда находится в движении. Перемещение является его обычным состоянием» [Неклюдов 1972, 29].

анализу концептуальной и структурно-языковой организации первой фазы. Анализ предваряем несколькими положениями, относящимися к модели дороги и образующим ее фазам в целом.

Содержательная специфика модели дороги — перемещение героя в пространстве — обуславливает наличие в каждой фазе конституирующих ее (фазообразующих) элементов двух типов — со значением движения и пространственного объекта, по отношению к которому осуществляется это движение.

Былинному персонажу свойственны два способа перемещения — конный и пеший; поэтому первый фазообразующий элемент получил выражение в глаголах движения с общей семантикой «ехать», «идти», модифицируемой в каждой фазе в соответствии с ее типовым содержанием.

Пространственный элемент как фазообразующий фактор представлен здесь кругом номинаций объектов, вводимых в мир былинного нарратива в связи с процессом перемещения персонажа². Обнаруживаются шесть основных типов пространственных объектов, каждый из которых манифестируется закрепленным за ним стереотипным набором вербальных средств (локализаторов) и их стереотипным соотношением.

Приводим систему указанных объектов и их номинаций³.

I. Макролокус. В его пределах выделяются три сублокуса:

а) Земля (царство, королевство, орда, сторона) — *Русь, Индия, Корела, Турция, Швеция, Волынь земля, земля смоленская, политовская, подольская, лячкая, ляховитская, польская, датская, сарацинская (сорочинская), лимоньская, заморская, своя, земли росейские, ляховинские, татарские, Золотая, Каменная, Большая орда, царство Малидоньское, дальняя, своя сторона* и др.;

б) Город, редко иной населенный пункт — *Киев, Чернигов (Чернигород),*

Галич, Волынь, Кряков, Муромль, Очаков, Москва, Царьград, Еросолим, Бекешов (Бекешовец), Куржов (Куржовец, Курцевец), Орехов (Ореховец), Туринец, село Карачирово, деревня Обалковщина, отчина Березинская и т.д.;

в) Крупный природный объект (поле, горы, река, море...) — *чистое поле, поле Елесино, Касимовское, Куликово, Палань гора, гора Палавонская, Сивонь гора, Туги горы, горы сорочинские, Пучай река (река Пучайная), Непра река, Нева река, речка Черная, Смородина (Смородинка), Березина, синее море, Ильмень озеро, темные леса, щельга великая* и пр. под.

II. Лицо как обитатель макролокуса (в большинстве случаев его правитель), для контакта с которым герой отправляется в путь и встреча с которым служит одним из определяющих моментов развития былинного сюжета, — *князь столенно-киевский Владимир, князь черниговский, король политовский, Жиман король литовский, король Микула Ляховинский, Николай державец Малидоньский, царь Костянтин Боголюбович, царь Вахрамей Вахрамеев, гость купец Митриище, Святогор богатырь* и др.

III. Рукотворный микролокус — строение, сооружение. Он представлен тремя сублокусами:

а) Городское жилище (в широком смысле слова), его части — *подворье* (обычно *вдовиное*), *двор* (*широкий княжий, княженецкий, богатырский*); *конюшня*; жилые строения — *палата* (*белокаменная, гряновитая, царская, княженецкая, вдовиная*), *терем* (*высокий, новый, злат верх*), *дом* (*новый, высокий*), *покои* (*белодубовые, королевские, княженецкие*), *чертоги* (*царские, государевы*); помещения в пределах жилых построек — *грядня* (*столовая, светлая, гряновитая, княженецкая, вдовиная*), *горница, горенка* (*столовая, великая, новая*), *передня* (*столовая*), *спальня, ложня* (*теплая*), *сени, сенцы* (*новые, решетчатые*); детали жилых строений — *окошко, окошечко* (*косивчатое*), *крылечко* (*переное, красное*). Сюда же, очевидно, следует отнести такие явления, как *пир, свадьба*, метонимически представляющие обычно княжескую резиденцию: *пошел на пир, на свадьбу* — в место обитания князя;

б) Находящееся в пределах города учреждение определенной функциональной направленности:

² «Пространство в ф<олькло>ре существует не само по себе, а только относительно движения героя» [Пропп 1998, 153].

³ Материалом исследования послужило авторитетное собрание былинного эпоса «Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года». М.; Л., 1949. Т. I; М.; Л., 1950. Т. II; М.; Л., 1951. Т. III.

ба) Религиозно-ритуального характера — *церковь (божья, посвященная, соборная), храм (божий, славный, великий), собор (Богородицы);* метонимические номинации — *обедня (обеденка), заутреня (заутренка), вечерня;*

бб) Место употребления и хранения вина (иногда вне пределов города) — *кабак (царев), кружало (государево), домишечко (питейное), погреб (винный, питейный, глубокий, темный, княженецкий);*

в) «Загородная резиденция» (место временного пребывания, сторожевое сооружение, укрепленная местность за пределами города) — *шатер (белый, белополотняный, полотняный), палатка (полотняная), крепость (богатырская), застава (великая, московская), стан (разбойнический), станица (разбойников).*

IV. Находящийся за городской чертой **микролокус** (природный объект или иногда артефакт) — *заводи, грязь Черная, грязи Смоленские, болото Куликово, пещеры, норы змеиные, бел горяч камень, серый камешек, камень Олатырь (Латырь), дуб Невин (Невид), сырой дуб, берега покляная, кустик ракитовый, три дороги (росстани), крест (дуб) Леванидов, плаха, дубовый столб и некоторые др.*

V. Лицо как обитатель (владелец, хозяин) эксплицитно или имплицитно представленного микролокуса — городского жилища (локус IIIa — *дом, палаты, гридня, горенка...*) или «загородной резиденции» (локус IIIв — *шатер, палатка, крепость, застава...*). Это соотносимые преимущественно с локусом IIIa женские персонажи, прежде всего мать героя — *маменька, своя матушка, матушка родимая, Добрынина родитель матушка честная вдова Офимья Олександровна, мать Дюка Мамельфа Тимофеевна; а также жена (семья, семейшка) — Василиста Никулична, Катерина Микулична; Часовая вдова; Маринка Игнатьевна* и т.д.; реже — соотносимые в основном с локусом IIIв (редко с локусом IIIa) персонажи-мужчины — *Илья Муромец, Михайло Потык, Калин царь, Батыга, Идолище, разбойники* и др.

VI. Человек, зооморфный объект, преимущественно враждебный, в пределах открытого пространства (почти всегда чистого поля):

а) Находящийся в движении персонаж, которого преследуют, догоняют (и настигают) или просто встречают; пер-

сонаж, появляющийся внезапно, — *незнакомый богатырь, рыцарь, поляница (удалая, великая), татарин, калика (перехожая, старая, седатая, незнакомая), старчище пилигримище, ратай (пахарь) Микула Селянинович, Викулушка Сеятевич, царь Иван Окулев; змея (лютая, подземельная), змеище (проклятое), змеище Горынчище;*

б) Большая группа людей — *сила, силушка, рать сила, сила ратище (великая, татарская, неверная, поганая), войско, сила войско (татарское), татары (поганые, Батыевы), сорок (четыреста) разбойников* и пр.

Как уже говорилось, былинным персонажам свойственны два способа перемещения — на коне и пешком. Оба способа используются, во-первых, при движении от одного микролокуса к другому в пределах макролокуса (обычно города); во-вторых, при преодолении расстояния между двумя макролокусами, например «от Чернигова до Киева» [I: 12]⁴. В последнем случае предпочтение отдается конному перемещению.

Первая фаза модели дороги — «Отправление героя в путь» — имеет характер одноэтапного процесса, что синтаксически выражается ее монопредикативной организацией (случаи полипредикативной организации фазы единичны). В соответствии с типовым значением фазы в качестве структурной основы репрезентирующей ее предикативной единицы используются глаголы-предикаты с семантикой начала движения. Среди них абсолютно преобладают лексемы *поехать / поезжать, пойти*, несколько менее частотны глаголы *выехать / выезжать, выйти / выходить, отправиться / отправляться*. Другие глаголы (*отбегать, съезжать, бежать...*) отмечаются спорадически. Употребление указанных глагольных лексем в речи повествователя ограничено формами прошедшего и настоящего времени.

Представляя начальный этап движения, первая фаза характеризует последнее со стороны его направления, исходного пункта и цели, для достижения которой оно предпринимается: *куда, от-*

⁴ Римской цифрой в квадратных скобках здесь и далее обозначается том анализируемого собрания былинного эпоса, арабской цифрой — страница.

куда, зачем герой держит путь. Эти характеристики выражаются обстоятельными членами предикативной единицы соответствующей семантики. Так как названные характеристики могут в той или иной мере эксплицироваться предшествующим контекстом, утрачивается необходимость воспроизведения в I фазе всего обозначенного набора обстоятельных членов. Обычно их число здесь не превышает одного-двух.

Пространственные параметры пути — направление и исходный пункт движения персонажа — обозначаются членами-локализаторами. Им свойственны две структурные разновидности — одномерная и многомерная. Одномерный локализатор обозначает один пространственный объект при глаголе движения в предикативной единице. Наиболее частотен локализатор с семантикой направления движения, представляющий путь в его пространственной перспективе — куда направляется герой: *поехал / поезжал (поезжает) в...; к...; на...* При этом данным локализатором манифестируются пространственные объекты всех типов и субтипов. Доминируют объекты субтипов I типа.

Иа. «*Поехал тут старой казак да Илья Муромец Во большу землю да в Золоту Орду*» [I: 368]; «*И поехал Добрынюшка Микитинич В тую в землю Сарочинскую*» [II: 181]; «*Тут оны садились на добрых коней И поехали во земли во росейския*» [II: 459]; «*Тут Михайло Потык сын Иванович... Сам пошел он в землю политовскую*» [II: 565].

Иб. «*А й молодой Добрыня сын Микитинич... Поезжал ведь ён да во стольнёй Киев град*» [III: 136]; «*Поехал Дюк во славной Галич град*» [III: 238]; «*Поезжал во город во Чернигово*» [II: 624]; «*Да пошол-де Илья ко Царю-граду*» [III: 263]; «*А-й пошел Садке во свой да как во Нов-город*» [I: 643].

Ив. «*Да поехал Илья Муромец во чисто поле*» [III: 169]; «*Поезжат Лука Петрович королевской сын Да на тое поле на Касимовско*» [III: 30]; «*Поехали ко реки ко Пучайныи*» [I: 575]; «*Как поехал-то Дюк да ко синю морю*» [III: 439]; «*А й пошол Садке ко Ильмень да ко озеру*» [I: 641].

II. «*Отправлялись же ко ласковому князю ко Владимиру*» [I: 143]; «*Поехал ко Бухарю царю заморскому*» [II: 487].

IIIа. «*А поехал Добрынюшка во свой-от дом*» [I: 581]; «*Поехал ко князю на широкой двор*» [III: 563]; «*Да пошол-де Дюк во высок терём*» [III: 191].

IIIба. «*Пошол Чурило во божью церковь*» [III: 251]; «*Этот Микита Романович... пошел во церковь во божью*» [II: 604]; «*Да пошол Дюк ко вѣчерни христовские*» [III: 187].

IIIбб. «*Да ён пошёл тут нынѣ на царѣв кабак*» [III: 84].

IIIв. «*А старой казак да Илья Муромец... Он поехал ко белу шатру*» [II: 281]; «*А поехал Добрыня во белы шатры*» [I: 595].

IV. «*Да поехал он ко латыру камешку*» [III: 162]; «*Да к тому кресту поехал Леванидову*» [I: 156].

V. «*Садился Иван на добра коня Поехал к родитель своей матушке*» [III: 564]; «*И пошел же ко родители ко матушке И ко честной вдовы Офимьи Олександровой*» [I: 134].

VIа. «*Поехал Дунаюшка Иванович... За тым татариним в погону в след*» [II: 188];

VIб. «*<Младой Ермак Тимофеевич> И поехал в войско татарское... И скоро Добрынюшка Никитинич Поехал в силу войско татарское*» [II: 178—179].

Менее частотен и соотносится с меньшим количеством объектов одномерный локализатор, обозначающий исходный пункт движения — откуда герой начинает свой путь: *поехал, пошел, выехал / выезжал, вышел / выходил (выходит), отъехал / отъезжал (отъезжает), съезжает, отправился / отправлялся из...; с (со)...; от...; из-за (з-за)*.

Иа. «*А й молодой Добрыня сын Микитинич Ен съезжает с земли, с земли с датскии*» [III: 135]; «*А как потом поехал он з-за Золотой орды*» [I: 649]; «*Ты пошли калики из земли политовския*» [II: 565].

Иб. «*И садился тут Илья да на добра коня... И поехал он из города из Киева*» [II: 23]; «*А й выходит-то Василей вон из Киёва*» [I: 551]; «*Выезжал он из града из Крякова*» [III: 528]; «*Да поехали они тут со Куржовца*» [I: 415].

Ив. «*Поехал со поля тут со чистаго Старой казак Илья Муромец*» [II: 322]; «*А й поезжал с горы ён с Палань-горы*» [III: 143]; «*Поехал тут Добрыня з-за синя моря*» [I: 144].

II. «*Отъезжает Василей от Батыги нынѣ*» [I: 608]; «*Пошли как тут калики переходже От того от короля да политовскаго*» [II: 490].

IIIa. «А пошол он с полат-то княже-нецкиих» [I: 628]; «Пошол-то ли Добрыня из высѡка теремá» [III: 398]; «Выезжал Добрыня с широкá двора» [II: 63].

IIIбa. «А ѿ Владимир князь он вышел со божьей церкви» [II: 14]; «Выходил-то Дунай со божьей церкви» [II: 106]; «Да пошол-де Бермята из божьей церкви» [III: 183].

IIIбб. «Да пошол да старик с кабака долой» [III: 160].

IIIв. «А ѿ поехал Илеюшка от бела шатра» [III: 545]; «Выходил Добрыня из бела шатра» [III: 153]; «Тут старой казак да Илья Муромец Он выходит со полатки полотняной» [II: 31].

VIa. «Отъезжае прочь Добрыня от богатыря, А от той же поляницы от уда-лись» [I: 140—141].

Многомерный локализатор представляет собой прилагательный член в составе предикативной единицы, включающий в себя номинации нескольких, обычно двух пространственных объектов одного или разных типов (субтипов). Основную массу рассматриваемых локализаторов составляют обстоятельственные компоненты со значением направления движения (примеры многомерных локализаторов с семантикой исходного пункта движения единичны).

Характерная для былины ограниченность набора пространственных объектов и их стабильная соотносительность в пределах ее художественного пространства способствовала образованию в многомерных локализаторах устойчивых сочетаний номинаций данных объектов. Это создавало предпосылки для формирования на основе таких локализаторов формульных стереотипов (ассоциативных рядов, по терминологии А.Т. Хроленко [1981, 96—137]).

Семантические различия по признаку *лицо — не-лицо* позволяют, в свою очередь, выделить среди многомерных локализаторов два вида.

1. К первому принадлежат структуры, обозначающие положение друг относительно друга двух объектов — не-лиц (один в пределах, редко вблизи другого, рядом с ним). При этом локализаторами фиксируются три относительно стабильных корреляции объектов. Приводим наиболее очевидные в последовательности, учитывающей степень их пространственности в былинных текстах.

1.1. Корреляция **Ив — Ив** (соотношение двух макролокусов — крупных природных объектов): *поле — горы*; *поле — река*; или **Ив — IV** (макролокус — микролокус: природный объект или артефакт): *горы — пещеры*; *горы — норы*; *море — заводи*; *поле — камень (камешек)*; *поле — болото — плаха*; *река — дуб (крест) — береза (березка)*.

Ив — Ив. «Он поехал во далеке во чисто поле На тыи горы сорочинскии» [II: 544]; «А поехал он да во чисто полѣ, А ко той ли ко матушки ко Пучи-реке» [III: 586].

Ив — IV. «Он поехал Добрыня во тыи оны А во ты славны да во Тугъ-горы, Во тыи пещеры да во змеиньи» [I: 583]; «Как поехал-то Дюк да ко синю морю, Да на те ли-то тихие на заводи» [III: 439]; «Оседлал-то старой коня доброго, Поехал во чисто полѣ, Ко тому ли камешку горю-чему» [III: 484]; «А один малый Малютка Шкуратович, Он брал Федора за руки... А повез⁵ его во чисто полѣ, Ко этому болоту Куликову, Да ѿ ко этой ко плахе ко липовой» [II: 691]; «Поехал... Ко этой ко речке ко Черной, Ко тому дубу Леванидову, Ко той ко березке ко поклъпши» [II: 274].

Номинации объектов IV типа представлены почти исключительно в составе многомерных локализаторов.

1.2. Корреляция **Ив — IIIв** (крупный природный объект — рукотворный микролокус «загородная резиденция»): *поле — шатер*; *поле — застава*: «Он поехал во чисто поле Ко тому ли ко белу шатру» [II: 283]; «Поезжает-то Дюк да во чисто поле Ко тому ли ко белому ко шатрику» [III: 439]; «Нонь пошол-де Василей во чисто во полѣ, Да во чистое поле ко Батыгину шатру» [III: 363]; «А ѿ поехал Ильюша во чистѡе во полѣ, Как на тую ли заставушку на Киевску» [III: 122].

1.3. Корреляция **Ia — Ia** или **б** (соотношение двух макролокусов: земля — земля или город; единично **Iб — Iб**: город — село): «А поехали они да во Индейку, А во ту было Индею во богатую, А во ту было Корелу во проклятую» [I: 230]; «Да поехал Добрыня во Волинь землю, Во славной во Галич град» [III: 197]; «Из того ли-то из города из Муромля, Из того села да с Карачирова, Выезжал удаленкой дородний добрый молодец» [II: 10].

⁵ Повез — глагол с семантикой каузации движения. Такие глаголы образуют один из подклассов класса глаголов движения.

2. Ко второму, более распространенному виду относятся локализаторы, обозначающие положение объекта — лица в пределах объекта — не-лица. Такой локализатор указывает, куда, к кому, точнее, к какому лицу, находящемуся в пределах какого пространства, отправляется герой.

2.1. Центральное место принадлежит здесь корреляции **I а, б, в — II** (макролокус: земля, город, крупный природный объект — обитатель макролокуса). Это приобретший характер типического места локализатор **К стольному городу Киеву, к ласковому князю Владимиру** и ряд других: «*Михайло Потык сын Иванович Поехал в землю ту Подольскую К королю тому к подольскому*» [I: 368]; «*Да пошел он к Царюграду, Да ко тому ли Костянтину Боголюбовичу*» [III: 14]; «*А й сядились молодцы поехали Ко этому городу Чернигову, Ко Митрию купцу ко торговому*» [II: 674]; «*Отправляется казак наш Илья Муромец К тому же Святогору тут богатырь На тыи было горы на высокии*» [I: 97].

2.2. Реже фиксируется корреляция **III — V** (рукотворный микролокус — его обитатель). Ей свойственны две разновидности.

2.2.1. Соотношение **IIIа — V** (городское жилище — обитатель этого жилища): дом, палаты — родная матушка, жена: «*А й пошел Добрынюшка во свой-от дом, А й во свой-от дом Добрыня к своей матушки*» [I: 541]; «*Отправился в свои полаты белокаменны, Ко своей родной маменьке, К честной вдовы Офимьи Олександровне И к молодой жене Настасье Николаевне*» [II: 249]; «*Отправлялись богатыри А й во ты было полаты белокаменны, К той было Мамельфы Тимофеевны*» [I: 209].

2.2.2. Соотношение **IIIв — V** («загородная резиденция» — ее обитатель): шатер, застава — богатырь, враг: «*Тут поехал Добрыня к своему шатру, К своему шатру он ко белому, А ко брату тому он ко крестовому*» [I: 592]; «*И направят коня да ко белу шатру, Ко белу шатру да к Калину царю*» [II: 637]; «*Повернул коня⁶ ко заставушки, Ко той к заставы к Ильи Муромцу*» [III: 311].

⁶ Об оборотах *приправил, повернул, направляет... коня* как об аналоге глаголов с семантикой начала движения см. ниже.

2.3. Как результат контаминации корреляций, представленных в пп. 2.1 и 2.2.1, воспринимается редкое соотношение **I а, б — V** (макролокус: земля, город — лицо с узуальным статусом обитателя микролокуса — городского жилища): «*Он поехал тут во землю ляховитскую, К той же к Василисты ко Никуличной, Да к Ставровой молодой жены*» [I: 182]; «*Ен отправился в свой город Галичю, Ко своей родители ко матушки, Ко честной вдовы Офимьи Тимофеевны*» [III: 112].

Результатом той же контаминации видятся примеры, подобные следующему: «*И молодой Добрыня сын Никитинич Пошел же он ко городу ко Киеву, Ко ласковому князю ко Владимиру, К своей тут к родители ко матушки, К честной вдовы Офимье Олександровны*» [I: 133].

Следует отметить, что обозначение лица, к которому отправляется персонаж, с указанием его местопребывания, т.е. реализация объектов II и V типов через структуру многомерного локализатора, является для былины нормой. Случаи, когда номинация лица составляет содержание одномерного локализатора (см. выше: *Поехал ко Бухарю царю заморскому*), для былины нехарактерны.

2.4. Небольшим количеством примеров представлена корреляция **Iв — VIб** (крупный природный объект — большая группа людей): поле — сила татарская, татары: «*Тут поехал Илья Муромец в чисто поле А под тую было силу под татарскую*» [I: 120]; «*...младый Ермак Тимофеев сын... Поехал ли на это ли на поле да на чистое Ко этим ли татарам ко поганым*» [II: 330].

Как показывает приведенный материал, основное место среди объектов, обозначаемых локализаторами, занимает макролокус (I тип, субтипы а, б, в — земля, город, крупный природный объект): на него ориентирована большая часть одномерных структур с локальной семантикой; в качестве «вмещающего» пространственного объекта он фигурирует в составе большинства многомерных локализаторов. В то же время некоторые объекты получают свое преимущественное (типы II и V — лица, обитатели макро- и микролокуса) или почти исключительное (тип IV — микролокус, природный объект или артефакт) выражение в многомерных локализаторах, которые представляют их в отношении

к более масштабным локусам. В этом прослеживается одно из проявлений свойственной фольклору тенденции к изображению пространственных отношений в форме ступенчатого сужения образов (в широком смысле), т.е. к художественному воссозданию пространственного континуума путем движения от объекта больших размеров к находящемуся в его пределах объекту меньших размеров. Тем самым фольклор представил в виде художественного приема свойственный человеку универсальный способ восприятия пространства.

До сих пор наше внимание сосредоточивалось на употреблении в составе I фазы локализатора с каким-либо одним значением — направления или исходного пункта движения. Но фаза нередко конструируется с участием обоих локализаторов, указывающих, откуда и куда едет / идет герой: «Отправляются три русьских могучих богатыря А из той же из Индеи из богатыи, Да из той же из Корелы вон с проклятыи А ко стольнему ко городу ко Киеву А й ко ласковому князю ко Владимиру» [I: 210]; «Тут поехал да Илья же сын Иванович от Чернигова на Киев град» [I: 112]; «А й поехал-то молодёнькой Добрынюшка От тых славных от гор от сорочинских да й от тых от нор он от змеинных, Да й поехал⁷-то Добрыня в стольнѣй Киев град» [II: 56]; «А й пошел вон Садке да от озера, А й пошел Садке как во Новгород» [I: 640]; «Отправляется казак да Илья Муромец От того же Святогора прочь богатыря На ту гору на Палавонскую А к тому же старичку да было древному» [I: 99]; «Поехал Добрыня от белѣ шатра Ко славному городу ко Киеву» [III: 557]; «Молодой Безмер сын Васильевич Скорешенько пошел со божья храму К той же полаты белокаменной» [I: 194–195].

Последним типовым обстоятельством компонентом монопредикативной структуры I фазы является член

⁷ При повторе в смежных или близких стихах глагола-предиката интерпретируем движение персонажа как одноэтапный процесс: подобный повтор, названный нами концентрирующим, представляет собой один из приемов предикативной децентрализации — распределения одной предикативной единицы по нескольким стихам [Артеменко 1977, 73–78].

со значением цели: зачем герой отправляется в путь. В большинстве случаев этот член получает обычное при глаголах движения выражение в инфинитиве (инфинитивной группе). Нормой для него является употребление в сочетании с локализатором, обозначающим направление движения: куда, зачем едет / идет персонаж: «Старый казак да Илья Муромец Он поехал во большу землю, Во большую ту землю да в Каменну орду Он по-выправлять да даней выходов За двенадцать год да за тринадцать лет, За тринадцать лет да с половиною» [I: 158]; «Да поехал Добрыня во Вольнь землю, Во славной во Галич град, Житья его богачества описывать» [III: 197]; «Молодой Вольгѣ Святославгович Он поехал к городам и за получкою Со своей дружинишкой хороброю» [II: 5]; «Поезжал Соловей ведь он свататься А за славной он за синѣ морѣ, Да ко славному городу ко Киеву, а ко ласкову князю ко Владимиру, На его любимыи племянницы, А на мѣлодой Забавы на Пуятичной» [III: 24]; «Отправлялись купци новгородский Торговать за синѣ морѣ» [I: 101]; «Да поехал Илья да во чистѣ полѣ Да искать-то дружины своей храбрые» [III: 507]; «Поехал Добрыня во чисто полѣ А битися-рубиться с богатырем, С богатырем битися с Ягой бабой» [III: 479]; «Пошла она ко князю Владимиру Зѣймовати злата и сѣребра, выкупити шесть сынов из плону» [III: 569].

Особое выражение I фаза приобретает тогда, когда речь идет о погоне за персонажем, находящимся в движении — незнакомым богатырем, поляницей, татаринном, королем политовским, царем Иваном Окульевым и др. (субтип VIa). Указанная ситуация манифестируется вариантами устойчивого оборота: поехал за...; за... с угоною; вслед погоною за...; в погону; за... в погону вслед; вслед с угоною; в сугон за и пр. под., указывающими и на направление движения персонажа (за, вслед, вслед за), и на его цель (в угон (сугон), с угоною, в погону) — т.е. с целью догнать: «Да поехал Илья за богатырем» [III: 155]; «Садился Добрыня на добра коня, Поехал за богатырем с угоною» [III: 389]; «И поезжае в сугон да за богатырѣм» [III: 267]; «Поехал Дунаюшка Иванович... За тым татаринном в погону в след» [II: 188]; «Михайла Потык сын Иванович... И поехал вслед же он погоною За тым же королем да политов-

ским» [I: 170]; «Как царь тут Кошег сын Трипётович... А скоро за Иваном отправляется, А скоро за Иваном вслед с угоною» [I: 456].

Организация I фазы с включением в представляющую ее предикативную единицу всех трех обстоятельственных членов — двух локализаторов и члена с семантикой цели — явление достаточно редкое, например: «Пошли оны да тудакка каликамы От солнышка Владимира от князя стольне-киевска К тому же королю да к политовскому Искать же тут Михайла Потыка Иванова, Своего же брата да крестоваго» [I: 171].

Выше уже говорилось о том, что обстоятельственные характеристики пути героя могут содержаться в предшествующем I фазе контексте. В том случае, когда контекстом эксплицируется весь их набор, за фазой остается одна функция — сигнализировать о начале перемещения героя, служить знаком его отправления в путь. Это достигается двумя эксплицитными способами.

1. Фаза реализуется в структурно «обедненном» варианте — путем использования глагола с семантикой начала движения без распространяющих его обстоятельственных членов: «Тут солнышко Владимир стольне-киевской Как накинул эту службу да великую На того Добрыню на Никитича — Ему съездить далече во чисть поле И достать ему князеву племянницу Молоду Забаву дочь Потятичну... Поезжал Добрыня сын Никитич» [II: 466—467]; «<Владимир стольно-киевской> Посылал во город тут во Галичу А й своих господ ён да общеников, Обценить у Дюка ведь именъицо... А й как пошли ведь тут как общенички» [III: 106]; «Молодой Иванушко Годинович Похотел-то он да пожениться, Похотел во славной Золотой орды На прекрасной Настасьи Митриевичной... И они сели на добрых коней, поехали Молодой Иванушко Годинович Со своим со паробком любимым» [II: 112—113].

2. При конном перемещении персонажа I фаза модифицируется в образный сигнал его отъезда — передает производимое последним эмоциональное впечатление. Этой цели служит типическое место (locus communis), неоднократно служившее предметом анализа в работах, посвященных фольклорной фразеологии (см., например: [Ухов 1970]). Ба-

зовую часть данного формульного стереотипа составляет двустрочный бипредикативный фрагмент: Видели молодца сядучи, А не видели удалого поедучи. Две другие, переменные, части рисуют картины: а) необычного выезда героя из города: «Не дорожками поехал, не воротами, Через ту стену поехал городовую, Через тую было башню наугольную» [I: 136] и б) его перемещения непосредственно за городской чертой (часть, лексически менее стереотипизованная): «Только видят, что в поли кудельба стоит» [II: 286]; «Одна куревка да завивается» [III: 133]; «Только пыль-та ведь вспылела во чистом во поли, Еще белыи берёзки к земли клонятся» [III: 123]; «Во чистом поле да курева стоит, Курева стоит, да пыль столбом валит» [II: 637]; «Только дым стоит да во чистом поли» [III: 241]; «А стольки во чистом поле пыль пошла» [I: 329] и пр. под. Структура анализируемого типического места видоизменяется в зависимости от того, использует ли сказитель только его базовую, константную часть или присоединяет к ней одну — первую или вторую — или, реже, обе переменные части, а также от варьирования вербального наполнения этих частей.

Подвергнутые анализу способы объективации I фазы используются главным образом тогда, когда герой отправляется в путь из дому, из места своего постоянного пребывания. Обратное движение от уже достигнутого пространственного объекта или с дороги, начало нового этапа пути (в результате оценки персонажем ситуации, совершения им определенной акции) маркируется некоторыми сказителями с помощью двух стереотипных оборотов: приправил / приправлял (направил / направляет, повернул, поворотил, обворачивал, спустил...) коня и поворот держал / держит.

При использовании оборота приправил... коня в большинстве случаев указывается направление движения, в отдельных примерах — его исходный пункт. При этом локализатор включается обычно в состав предикативной конструкции с анализируемым оборотом: «И как доехал старый казак да Илья Муромец И до того ли до города до Киева, И как увидел он... И во чистом поли ведь стóит бел шатер... И направят коня да ко белу шатру, Ко белу шатру, да к Кали-

ну царю» [II: 637]; «Ездит тут Добрыня у Царяграда... Как приправил коня добраго От Царяграда на Киев град» [I: 147—148]; «Поезжает Микита за богатырем, Наехал он в поле на богатыря... На коне-то Микита устранился, Повернул коня ко заставушки, Ко той к заставы к Ильи Муромцу» [III: 311].

Отмечаются примеры сочетания рассматриваемого оборота с традиционным способом представления I фазы; ср. выше: «Повернул коня ко заставушки, Ко той к заставы к Ильи Муромцу» [III: 311] и «Воротил Никита добра коня, Поехал назад ко заставушки» [III: 324]; аналогично: «А й поворотил скоро Олеша да добра коня, А й как скоро поехал он в город во Киев-от» [I: 677]. В подобных случаях фаза приобретает бипредикативную структуру, функция анализируемого оборота ограничивается указанием на начало нового — от достигнутого объекта — этапа движения и, часто, на обратное направление последнего, а последующая предикативная единица конкретизирует это направление характерным для данной фазы способом.

Несколько реже сопровождается указанием на локальные параметры движения (включением в соответствующую предикативную единицу локализатора) употребление формульной структуры поворот держал / держит: «А спушались оны да с высокой горы, Нападали на поганных татаревей, А прибили, прирубили да всю силу ту несметную, А несметную ту силу да несчётную. Это скоро тут оны да поворот держат А ко стольнѣму ко городу ко Киеву А ко ласкову ко князю ко Владимиру» [I: 532]; «А поехал король-тот во свою землю... А поехал король, тут придумался... Поворот держал богатырь со дороженки» [I: 595]; «Заходит Ильюшенка во Царь-от град... Прибил-то он поганных всих в три часу... Как тут-то с царѣм Костянтином роспростилися, Тут скоро Ильюша поворот держал» [I: 431—435]; «Третья-та калика перехожая Ена безпрося зашла да на вдовиный двор... И поворот держит калика перехожая И во далече в далече во чисто поле» [I: 398].

Наличие в сфере эпического знания сказителя канонической трехфазовой модели дороги, причинно обусловленная взаимосвязь всех трех фаз создают возможность редуцированной реализации модели путем эксплицитного представ-

ления двух или даже одной из фаз: каждая фаза как один из тесно взаимосвязанных и предполагающих друг друга элементов единого целого самим своим наличием в пространстве былинного нарратива указывает на присутствие других фаз. Данное обстоятельство создает структурно-семантическую базу для имплицитной репрезентации любой из трех фаз модели, в том числе и первой. На самом деле, уже само вербально обозначенное пребывание персонажа в пути и/или прибытие его в определенный пункт, т.е. экспликация II и/или III фазы, предполагает и факт отправления персонажа в путь, т.е. реализацию I фазы.

Указанному универсальному способу косвенного представления первой, равно как и любой другой фазы сопутствует ряд стабильных типизированных речевых форм частного характера, посредством которых осуществляется имплицитная репрезентация именно I фазы или — на фоне непосредственного или косвенного представления пути в целом — I и II фаз. Приводим основные.

1. Первая из указанных речевых форм имеет место в условиях, когда обстоятельственные характеристики пути (куда, откуда, зачем он совершается) даны в предшествующем контексте. Выше отмечалось, что в этом случае нереализованной остается свойственная I фазе функция указания на самый факт отправления персонажа, обозначения начального этапа его пути. Эту функцию при имплицитном представлении фазы⁸ принимает на себя концептуально-структурный компонент «подготовка».

Отправлению персонажа в путь часто предшествует подготовка к нему. Процесс подготовки у разных сказителей и в различных былинных текстах характеризуется неодинаковой степенью детализации. При перемещении на коне в изображении подготовки доминируют моменты выбора коня, его седлания, облачения героя в воинские доспехи (или, реже, в какую-либо иную, иногда красочную одежду), наконец, посадка на коня. При пешем перемещении персонажа в его подготовке обычно актуализи-

⁸ Об эксплицитных способах реализации I фазы в указанных условиях см. выше.

зируются моменты переодевания, создания определенного образа (калики перехожей, нищего, скомороха), выбора необходимых в дороге предметов и др. Подготовка может представляться обобщенно глаголами и глагольными оборотами *справляется, сряжается, отряжается*, *справляется-снаряжается* и пр. под. Все эти моменты получают преимущественное выражение в типизированных речевых средствах.

Подготовка как компонент былинного текста предваряет и предвосхищает начальный этап — I фазу пути героя и при эксплицитном выражении фазы непосредственно предшествует ей: «*Он седлаёт уздаёт добра коня, Он и уздицу кладёт тесмянную, Да седёлко кладёт да Дюк черкальское, А подпруги кладёт да Дюк шелковые, Ещё славного шолку шемахинского.* (I)⁹ *Как поехал-то Дюк да ко синю морю, да на те ли-то тихие на заводи*» [III: 439]; «*Старый казак Илья Муромец... Он берет себе коня да богатырское, Во других-то берет себе палицу стопудовую, Во другу-то руку копье длинное.* (I) *Поехал он на рать на силушку великую, На великую, на татарскую*» [I: 276]; «*Седлал Добрыня своего коня, Уздал Добрыня своего коня, Садился Добрыня на добра коня, (I) Поехал за богатырем с угоною*» [III: 388—389]; «*Столковалось было братьям же крестовым... Крутились было они каликами, Обували они лапти было липовы, Надевали они платьица нецветныи, (I) Пошли оны да туд-ка каликамы*» [I: 171]; «*Тут-то Добрынюшке не дб чего. Скидывал он платьице дорожное, Надевал он платьице богатырское, Брал он гусельника яровчатый, (I) И пошел к ним да на почестной пир*» [II: 452]; «*Этот Микита Романович Надевал он платьице что лучшее (I) И пошел во церковь во божию*» [II: 604]; «*Как шубу надевала на одно плечо, Башмачки надевала на босую ногу, (I) Пошла ёна Забава в зеленые сады*» [I: 620]. Возможны и другие содержательные варианты подготовки: «*И нагрузил Садко купец богатыя, И нагрузил все каравли черленыя, (I) И отправляется Садко во сине море, Во сине морё да во солонё*» [II: 655].

⁹ Римской цифрой в круглых скобках здесь и далее обозначается порядковый номер фазы.

Предвосхищая и непосредственно предваряя момент отправления героя в путь, компонент «подготовка» тем самым прогнозирует его. Вследствие этого он широко используется здесь в роли метонимического заместителя I фазы, средства ее косвенной, имплицитной репрезентации. При этом, когда речь идет о конном перемещении персонажа, в описании процесса подготовки доминирует, очевидно, как одно из его наиболее значимых и завершающее его звено, выражаемое устойчивым оборотом *сел / садился на добра коня*. Высокая частотность этого звена, его контактная позиция относительно момента отъезда существенно увеличивают его прогностическую способность и делают в указанных условиях основным средством метонимического представления I фазы: «*Садилась молодцы-то й на добрых коней, (II) И оны ехали раздольищем чистым полем...* (III) *Приезжали-то ко дубу-то ко Невину, Да й ко славному камению к Олатырю*» [II: 86]; «*А й садился-то Илья да на добра коня, (III) Приезжает-то Илья ко той ли речки ко Черниговской*» [I: 518]; «*Садился Владимир на добрых коней, (III) Приезжае ко Чурилову широкому двору*» [III: 231]; «*И садился-то он на добра коня, (III) Приезжает к своим полатам белокаменным*» [I: 336]; «*Да садился Дюк на добра коня, (III) Да приехал к собору Богородицы*» [III: 192]; «*Садился Василей на добра коня, (III) Приезжает ко Батыгиным белым шатрам*» [III: 256].

Наблюдения показывают, что при наличии в тексте оборота *сел / садился на добра коня* количественные показатели непосредственного, эксплицитного и косвенного, имплицитного представления I фазы существенно не различаются. В то же время при отсутствии в описании подготовки указанного оборота предпочтение отдается эксплицитным средствам выражения фазы: ее метонимические замены в подобных случаях достаточно спорадичны¹⁰.

¹⁰ Варьирование эксплицитной и имплицитной реализаций I фазы наблюдается и тогда, когда перемещение персонажей в былинном нарративе осуществляется иными, чем верховая езда, средствами и способами (явление достаточно редкое); ср.: «*Сели в суденушко, (I) поехали.* (III) *Приехали к матушке Сивонь горы... Сели в суденушко, (I) поехали.*

Компонент «подготовка» выступает метонимическим заместителем I фазы и в тех случаях, когда речь идет о пешем перемещении персонажа: «*Обувает он сапожки на ножки зелен сафьян, Одевает он Добрыня платье цветное, Налагает он ведь шапку во пятьсот рублей, А й берет-то ведь Добрыня да свой тугой лук, Этот тугой лук Добрынюшка, разрывчатой, А й берет-то ведь он стрелочки каленыи*, (III) *А й приходит-то Добрыня ко синю морю*» [I: 538]. При этом выделяется группа устойчивых оборотов, представленных в былинных текстах параллельными вариантами — с эксплицитной и имплицитной (метонимической) манифестацией I фазы. Ниже даются имплицитные варианты приведенных выше эксплицитных реализаций этих оборотов: «*Стоснулось им, братьям крестовым... Сокрутились они в платье ведь нищецкое, Надевали себи трои они под-сумки*, (II) *Шли они путем дорогою... (III) Приходили они в тую землю во ляхетскую*» [I: 357—358]; «*Взимает тут Добрынюшка Микитиниц А ты эты гусёлка всё яровчаты, Сам скоро Добрынюшка справляется, А скоро молодёц наряжается Скорой малой смелой скоморошиной*. (III) Приходил Добрыня на почестный пир А нато столованьё на великоё» [I: 446]; «*А старый князь Микита Романович Да надел он платья что ни лучшие*, (III) *Да приходит-то Микита во божью церкву*» [III: 35]; «*Тут Васильева матушка Чоботы надернула на босы ноги, Шубу накиннула на одно плече*, (III) *Прибежала она на Волхово*» [II: 434].

Как уже говорилось выше, метонимическое замещение I фазы компонентом «подготовка» осуществляется главным образом тогда, когда обстоятельственные характеристики пути персонажа приводятся в предшествующем контексте. В отдельных случаях при обобщенном обозначении подготовки глаголами *справляется, сряжается, отряжается, справляется-снаряжается* и др. сведения о направлении и цели движения

(III) *Приехали оны в Еросолим град*» [II: 434—435]; но: «*Садилсь они в лодочку коломенку*, (II) *Поезжали тут по матушки Вятлы реки*, (III) *Подъезжали тут под место под любимое*» [I: 218]; «*Садилсь они в тележку во ордынскую*, (III) *Приезжали оны да во чисто поле*» [I: 353].

персонажа выражаются приглагольными членами, т.е. включаются в концептуальный план процесса подготовки: «*Как тут-то ведь Михайлушка сряжается, А тут-то ведь Михайло снаряжается Во далече еще во чисто поле, А драться с той со силою великою*. (III) *Подъехал тут Михайло сын Иванов был, Прибил он эту силу всю в три часу*» [I: 477]; «*А й справляется тут Вольга снаряжается Со своей дружинишкой хороброю, Во Туринец город во Ореховец... (III) Приезжали близ Туриница да города Ореховца*» [I: 512—514]; «*А справляется тут Солнышко к обеденке С тем же молодым боярином, С Дюком нунь Степановым*. (II) *А пошли оны по улличкам... (III) Тут приходит да боярин ко обеденки*» [I: 201].

2. В ряде случаев денотативное содержание I фазы с указанием направления и, реже, цели пути воспроизводится в форме прямой речи — реплики диалога, рассуждения персонажа. При этом существенным изменениям подвергается модально-временной план фазы: реальная модальность факта отправления героя в путь трансформируется в ирреальную семантику побуждения / намерения совершить путь в целом, а глагольные формы прошедшего / настоящего исторического времени преобразуются в формы I л. мн. ч. императива / I л. ед. ч. будущего времени. В условиях действия собственного фольклору принципа единства сказанного и сделанного, предполагающего обязательное претворение речи персонажа в явление устно-поэтической действительности (мысль, слово, не повлекшие за собой дела, здесь неуместны [Медриш 1974, 122]), прямая речь обозначенного выше содержания становится знаком последующего облигаторного осуществления обозначенного пути. Это осуществление — в русле действия того же принципа — непосредственно манифестируется уже в ключе реальной модальности, следующей обычно за прямой речью III фазой, представляющей побуждение / намерение принять путь совершившимся фактом. Всё это делает данную структуру типизированным средством имплицитного представления I и II фаз пути: «*Говорит Настасья да Микулична: — Ты молодой Добрыня сын Никитинич! Мы поедем с тобой ко граду ко Киеву, Да ко ласкову ко князю ко Владимиру, Примем мы с тобою*

по злату венцу. (III) Тут приехали ко граду ко Киеву, И ко ласкову ко князю ко Владимиру, Приняли они да по злату венцу» [II: 472]; «— ...Ай же вы нёнюшки, мамушки, Да пойдёмте-тко гулять да во зелёный сад. (III) Да пришли оны гуляти во зелёный сад» [III: 27]; «Говорил Михайло Потык сын Иванович: — ...Я поеду нонь во землю политовскую, Я искать своей да Марьи лебедь белой, Я подоленьки да королевичной. (III) Приезжает он во землю политовскую» [II: 488—489]; «И тут говорит Лука Петрович дворянской сын: — ...Теперь поеду ли я во те ли во леса во тёмные, Да во те ли то грязи топучие. (III) Заехал он во те ли во тёмны леса» [III: 528].

3. Аналогичную функцию выполняет в былинном тексте другая типизированная структура. Речь идет об оборотах, фиксирующих восприятие героем находящегося на некотором расстоянии объекта и его результат. Восприятие персонажем объекта — это всегда семиотический знак последующего движения в сторону данного объекта и достижения его, т.е. знак пути к нему: увидел, услышал — значит поехал, пошел по направлению к увиденному, источнику услышанного и приехал, пришел к нему. Символическая семантика акта восприятия позволяет ему служить имплицитным показателем осуществления обозначенного пути. Фазовая структура последнего воссоздается при этом введением в текст вслед за указанием на акт восприятия III фазы, обозначающей прибытие персонажа к объекту, что на общем фоне символически представляемого пути служит косвенным сигналом реализации его I и II фаз: «А в той ли стороны да подвосточныя А увидае в поли там белой шатёр. (III) А приезжает тут Илья да ко белу шатру» [I: 528]; «Как увидел тут Добрыня: **стоит бел в поли шатёр**, (III) Приезжает тут Добрыня ко белу шатру» [III: 122—123]; «— **Находимся да во сырой земли! Закрычал он своим гблосом, Своим голосом да богатырским. Услыхали его да братицо крестовыи...** (III) Приходили тут оны ко этой могилы ко кладбищу» [I: 355].

Эксплицитная / имплицитная репрезентация первой, равно как и других фаз модели дороги, представляет собой один из продуктивных типизированных способов варьирования былинного текста.

Приведенный материал демонстрирует высокий уровень стереотипизованности фольклорного (в данном случае былинного) текста и иерархический характер текстовой стереотипии: описание пути героя регламентируется трехфазовой моделью; каждая фаза модели реализуется в канонических формах; последние, в свою очередь, получают выражение в устойчивых («формульных») языковых оборотах. Взаимодействие фаз в плане их эксплицитного / имплицитного представления также отмечено чертами стереотипии.

Литература

Артеменко 1977 — *Артеменко Е.Б.* Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж, 1977.

Артеменко 1993 — *Артеменко Е.Б.* Принципы организации народнопесенных текстов: былинное текстообразование // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 3. С. 57—68.

Артеменко 2001a — *Артеменко Е.Б.* Фольклорное текстообразование и этнический менталитет // Традиционная культура. 2001. № 2 (4). С. 11—17.

Артеменко 2001b — *Артеменко Е.Б.* Былинное текстообразование: прибытие героя // Художественный мир традиционной народной культуры. Сб. статей к 75-летию В.Г. Смолницкого. М., 2001. С. 195—209.

Артеменко 2001в — *Артеменко Е.Б.* К вопросу о семантике и структуре акционального текстообразующего блока в былинке // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Воронеж, 2001. С. 215—221.

Артеменко 2004 — *Артеменко Е.Б.* Миф. Фольклор. Эстетика тождества // Этнопоэтика и традиция. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Гацака. М., 2004. С. 57—67.

Медриш 1971 — *Медриш Д.Н.* Слово и событие в русской волшебной сказке // Русский фольклор. Т. XIV: Проблемы художественной формы. Л., 1974. С. 119—131.

Неклюдов 1972 — *Неклюдов С.Ю.* Время и пространство в былинке // Славянский фольклор. Сб. науч. тр. М., 1972. С. 18—45.

Пропп 1998 — *Пропп В.Я.* Поэтика <фольклора>. М., 1998.

Ухов 1970 — *Ухов П.Д.* Атрибуция русских былин. М., 1970.

Хроленко 1981 — *Хроленко А.Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, 1981.

Черванева, Артеменко 2004 — *Черванева В.А., Артеменко Е.Б.* Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (На материале эпических жанров). Воронеж, 2004.